

Хейд против упрощений и золотые сандалии

[Лев Клейн](#)

Улыбка Косинны — отнюдь не комплимент сторонникам степной гипотезы происхождения индоевропейцев, адептам ямной миграции в Центральную и Северную Европу. Густав Косина — крупный немецкий археолог конца XIX — начала XX века, открыватель этнической проблематики и методов в археологии и предтеча нацистской археологии.

Статья великолепного археолога Фолькера Хейда, помещенная рядом со статьей Кристиансена со товарищи как иной взгляд на проблему, чрезвычайно интересна и несколько противоречива.

С одной стороны, Хейд признает основные выводы генетиков «выдающимся достижением»:

— Да, есть в археологии ямные признаки у культур шнуровой керамики и колоколовидных кубков от Алтая до Атлантики! Да, были крупные миграции, о которых писал Энтони!

С другой стороны, он задает вопрос: почему мы, археологи, не видели этого раньше? И можно добавить: почему не видим и сейчас? Погребения обеих культур, констатирует Хейд, скорее различны, чем идентичны. У ямников генетики по ДНК констатировали темные глаза, у шнуровиков — голубые. А ведь голубые глаза обуславливаются рецессивным геном — для его победы нужно большое количественное преобладание. Пять процентов ямной примеси найдено у «ледового человека» из Швейцарии, а он жил за два века до предполагаемой ямной миграции. Отметим Хейд и парадоксальное распределение «ямного компонента» в культурах шнуровой керамики.

«Культурная история ушла с обеденного стола» — констатирует Хейд. Методику, примененную генетиками, а точнее консультировавшими их археологами, он аттестует как повторяющую давно оставленные идеи Косины. Он не верит, что ямный компонент составляет 75 % генофонда изготовителей шнуровой керамики.

Вместо культур шнуровой керамики он склонен отвести ведущую роль в компоновании новых традиций культуре шаровидных амфор, совершенно не затронутой генетиками.

Некоторая противоречивость позиции Хейда вытекает из его личного исследовательского опыта. Поверив изначально в степную гипотезу происхождения индоевропейцев и в роль ямной культуры, судя по его предшествующим работам, он много сил потратил на исследование взаимодействия курганных культур с иными культурами придунайских степей и их соседями, относя к ямникам все курганы тех мест, то есть считая ямную намного более древней, чем шнуровики. И лишь постепенно он открыл, что это не всё ямники, что до рубежа IV — III тысячелетий это энеолитические культуры (схожие с нижнемихайловской и другими). А ямная появляется почти одновременно с культурами шнуровой керамики.

Мало надежды, что концепция взаимодействия лучше объяснит происхождение культур шнуровой керамики — а как быть с резкой сменой генофонда в Европе? Но очень разумна сентенция Хейда, что по горсти образцов выхваченных из одного-двух мест обширной ямной общности рано делать обобщающие выводы.

Очень интересно одно частное наблюдение Хейда. Мы давно констатируем изображения следов человеческих ног в неолитических памятниках и в комплексах бронзового века — например, в катакомбных культурах. Мы их обычно интерпретировали как свидетельства индоарийской и родственной мифологии — следы божества (в Индии «шаги Вишну»), возможно, места, где предполагается стояние бога или покойного. Но парные «следы» оказались и на каменных энеолитических статуях Причерноморья (Керносовский идол, Белогрудовка, Сватово и др.). Причем в непонятных местах — на спине, ниже или выше пояса и даже заткнутые за пояс.

Хейд сопоставил их с золотой и слоновой кости сандалиями той же формы, с прошитым кантом, найденными недавно (опубликованы в 2013 г.) на юге Иберийского полуострова недалеко от Севильи в кургане со скорченным погребением на правом боку, датированным калибр. 2875 – 2770 гг. до н. э. (халколит), с красной краской и кремневым кинжалом; одна лежала в засыпи камеры, другая в 80 м от погребения. Потом в других местах Испании и Португалии были найдены еще такие же из кости, слоновой кости и известняка.

По мнению ряда археологов, это престижные части одеяния идеального воина.

Теперь понятно, почему они на стелах-статуях оказываются подвешенными к поясу сзади или заткнутыми за пояс. Трактовать их как принадлежности воина вряд ли верно: они сделаны из таких материалов, что практическое ношение явно не предусмотрено. Они обувались в каких-то важных ритуальных случаях, возможно, вообще предназначены для посмертного существования, для пути по загробному миру (это признали Мэллори и Адамс, также Хейд), и скорее являлись атрибутами жрецов: наши стелы явно принадлежали божествам (наличие хвоста, звериные уши, открытый сзади скелет). Хейд относит стелы-статуи к ямной культуре, но все они найдены, если в ямных могилах, то во вторичном использовании (в перекрытии).

Они относятся к предшествующей эпохе – энеолиту (халколиту). Распространялись по Европе с религией.

С этим можно сопоставить мифические башмаки скандинавской богини смерти Хель — металлические, они надевались на мертвого, чтобы он легко мог преодолевать огненные препятствия на пути в страну мертвых. Перед тем они висели на дереве в начале пути.

Генетики свои исследования продолжают. Нас ждет еще много интересного.